

Томаска Алена Георгиевна

Tomaska Alyona Georgievna

научный сотрудник отдела истории
и этносоциологии Арктики
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

Research Fellow,
Arctic History and Ethnic Sociology Department,
Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ МУЖСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ЯКУТИИ

THE ASPECTS OF TERRITORIAL MOBILITY OF THE MALE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH OF YAKUTIA

Аннотация:

В статье рассматриваются особенности территориальной мобильности мужского населения коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) в современных условиях. Анализируется влияние социально-экономических факторов на состояние территорий традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, формирующих территориальную мобильность. Характерными особенностями миграции в республике выделены: интенсивность миграционных процессов в районах, где развита добывающая промышленность; рост миграции сельского населения в городские поселения в поисках рабочего места; низкий миграционный потенциал населения из отдаленных и труднодоступных районов проживания коренных малочисленных народов Севера. Отмечается влияние деятельности предприятий добывающей промышленности на пространство, ландшафт и качество территорий традиционного природопользования. Хозяйственная деятельность, защита исконной среды обитания, этносоциальные и этнокультурные потребности этих народов обеспечиваются преимущественно в условиях кочевых родовых общин. Преимущественный состав родовой общины как кочующего трудового коллектива составляют мужчины. По мнению автора, кочевой образ жизни народов Севера не является признаком территориальной мобильности. Реальным капиталом мобильности этих мужчин-мигрантов признаны только дополнительные, вспомогательные ресурсы в виде родственников или земляков, которые оказали содействие в жилищном вопросе и трудоустройстве. Отдаленные и труднодоступные территории традиционного проживания, традиционные отрасли хозяйствования коренных малочисленных народов Севера являются в данном случае тем самым местом, выражающим неравенство их положения и доступа к системам мобильности.

Ключевые слова:

территориальная мобильность, миграция, ресурсы мобильности, городское население, сельское население, мужская часть населения, коренные малочисленные народы Севера.

Summary:

The study discusses the aspects of territorial mobility of the male indigenous peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia) in the current situation. The research analyzes the impact of social and economic factors on the territories traditionally occupied by the indigenous minorities of the North and their economic activity that leads to their territorial mobility. The study highlights such characteristics of migration in the Republic of Sakha (Yakutia) as the intensive migration processes in areas where the mining industry is developed, the rapid rural-to-urban migration and the low migration potential of the population from the remote and hard-to-reach areas of the indigenous minorities of the North. The author notes that the industrial enterprises change the place, landscape and the quality of the areas of traditional resource use. Economic activity, the original habitat protection, ethnic and social, ethnic and cultural needs of these peoples are mainly provided in the context of nomadic tribal communities. Males are the predominant component of the clan as a nomadic work community. The author believes that the nomadic way of life of the peoples of the North is not an indicator of their territorial mobility. The additional, support resources represented by the relatives or compatriots who assisted male migrants in their housing and employment turned out to be the real capital of mobility of these men. Remote and hard-to-reach areas of traditional residence and traditional economic practices of the indigenous peoples of the North are the points that demonstrate their unequal status and access to mobility.

Keywords:

territorial mobility, migration, mobility resources, urban population, rural population, male population, indigenous minorities of the North.

Коренные малочисленные народы Российской Федерации определяются федеральным законом № 82-ФЗ как народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в России менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общ-

ностями [1]. В Республике Саха (Якутия) по итогам переписи 2010 г. проживают 39 936 представителей коренных малочисленных народов Севера, что составляет 4,2 % от общей численности населения республики. Малочисленные народы Севера представлены эвенками – 21 008, эвенками – 15 071, долганами – 1 906, юкагирами – 1 208 и чукчами – 670 человек. Мужчины составляют 46,3 % (18 478 чел.), женщины – 53,7 % (21 458 чел.), население трудоспособного возраста – 60,3 % (24 081 чел.) [2].

В двадцати районах (улусах) Республики Саха (Якутия), занимающих 77,1 % территории, расположены районы компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, где в сельских поселениях проживает 70,8 % представителей этих народов. Сегодня коренные малочисленные народы Севера, проживающие в суровых климатических условиях в местах традиционного обитания на труднодоступных, отдаленных территориях, занимаются традиционной хозяйственной деятельностью во всех обозначенных 20 улусах. Традиционное землепользование является основой их жизнеобеспечения, материальной и духовной культуры.

Обширность этой территории (2 377 564,1 км²) обуславливает разнообразие ее природных ресурсов и неравномерное территориальное распределение производительных сил, играющее главную роль в распределении человеческих ресурсов региона. В 11 из 20 районов традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера на территориях их исконной традиционной хозяйственной деятельности добываются полезные ископаемые: нефть, каменный уголь, руда цветных металлов, алмаз, золото, олово, сурьма. В остальных районах основой экономики является традиционное хозяйство: оленеводство, мясное табунное коневодство, пушной и рыбный промысел, звероводство.

Добывающая промышленность влияет на структуру занятости и доходов указанных районов. Отмечается значительно более высокая среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников промышленных предприятий, чем в целом по республике. Так, например, в 2015 г. по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) занятым в добыче полезных ископаемых начисляется в среднем 94 609,9 р., что на 83,6 % больше начисленной заработной платы занятых в рыболовстве, рыбноводстве (15 470,4 р.) [3, с. 200].

Минимальная среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в сравнении с общереспубликанскими показателями выявлена в сельскохозяйственных районах, занятых традиционными отраслями хозяйственной деятельности народов Севера: в Эвено-Бытантайском (36 002,2 р.), Кобяйском (38 285,2 р.) и Момском (38 783,7 р.) улусах. Максимальная зарплата наблюдается в промышленных районах: Анабарском, где осваиваются россыпные алмазные месторождения (90 903,4 р.), Мирнинском, где ведется добыча алмазов, нефти, природного газа (86 789,6 р.), и Оймяконском, где добываются золото, сурьма и другие полезные ископаемые (68 749,4 р.) [4, с. 212].

Традиционные отрасли хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера все более оттесняются предприятиями добывающей промышленности. Если сравнить показатели поголовья оленей в хозяйствах всех категорий в 2011 и 2016 гг., то произошло снижение на 22,1 %, в 2017 г. относительно 2011 г. – на 14,1 % [5, с. 154]. Загрязнение воздуха, загрязнение водных ресурсов и пастбищ сточными водами, рубка лесов, вырубка просек и др. меняют пространство и ландшафт территорий традиционного природопользования, вызывая наводнения, выход грязевых масс, сели, оттайку грунта, аварии – обвалы и прорыв воды.

В этих районах усиливается дефицит рабочих мест, численность увольняемых работников превышает численность принятых, сокращается численность работников организаций. Уровень безработицы в рассматриваемых улусах с 2000 г. вырос почти в два раза [6, с. 136–137]. Региональные власти не всегда могут обеспечить беспрепятственный доступ к территориям традиционной хозяйственной деятельности. Деградация территорий традиционного природопользования ограничивает ресурсные возможности традиционной хозяйственной деятельности народов Севера, вызывает пространственные диспропорции.

В интервью представители коренных малочисленных народов Севера часто отмечают, насколько изменяются пространство, ландшафт и качество территорий традиционного природопользования. Так, например, глава кочевой родовой общины (Алданский район), эвенкийка 72 лет рассказывает о трубопроводной системе «Восточная Сибирь – Тихий океан», которая проходит через их общинные оленьи пастбища: *«Из-за вырубки просек не только мы не узнаем наши исконные ориентиры на землях и теряем ориентацию, но и олени блуждают. Мы много оленей потеряли. Да мне еще кажется, что олени слепнут, на их зрение эти трубы влияют плохо».*

По мнению Т.Н. Константиновой, формой хозяйственной деятельности, защищающей исконную среду обитания, сохраняющей и развивающей традиционный кочевой образ жизни, промыслы и культуру народов Севера, является родовая община, которая создается с целью не только до-

стижения экономических результатов, но и удовлетворения этносоциальных потребностей. В качестве формальной социальной группы родовая община состоит из главы общины, бухгалтера, звеньевое-наставника, зоотехника или ветеринара, оленевода и чумработницы [7, с. 44–45].

Преимущественно родовую общину как кочующий трудовой коллектив составляют мужчины. В составе родовых общин несколько родственных семей и близкие родственники или соседи-односельчане. Как показали исследования, проведенные нами в 2001 г., в родовых общинах 89 % мужчин репродуктивного возраста не имеют семей [8, с. 45], и в настоящее время ситуация сильно не изменилась.

Женщины – чумработницы, ветеринары, кочующие с мужьями, приостанавливают кочевание, оставаясь членом общины, когда дети идут в школу, детский сад или есть необходимость в медицинском уходе. В 2018 г. в республике, по данным республиканского Минобрнауки, работает всего 11 кочевых школ в пяти арктических районах. В летнее время года родовые общины кочуют со стадами почти в полном составе. Как писал К.П. Иванов, кочевание с оленями любым оленеводом воспринималось как благо, счастье, а потеря оленей и вынужденный переход на оседлый образ жизни – как величайшее несчастье [9].

В типологии миграций, составленной на основе литературных источников, Ф. Дювель выделил кочевников как акторов пространственной мобильности [10, с. 77]. Однако северный кочевник, находясь в «глобальной системе мобильностей», которые «включают бронирование билетов, заправку горючим, адреса, безопасность, протоколы, узловые станции, веб-сайты, доки, перевод денег, пакетные туры, багажные отделения, контроль воздушного сообщения, штрих-коды, мосты, расписания, видеонаблюдение и т. п.» [11, с. 83], не пересекает ни географических границ, ни виртуальных пространств общества. Он не является «чистым кочевником, всегда и уже есть стоянка, где нужно хранить припасы, как бы малы они ни были, записывать и распределять, жениться и кормиться», он не производит раскодирования потоков, детерриторизации [12, с. 234]. И в этом смысле оленевода, кочующего за стадом в пределах оленьих пастбищ, невозможно обозначить актором территориальной мобильности.

«Раскодирование потоков» происходит, когда представитель коренных малочисленных народов Севера пересекает границы своих территорий традиционной жизнедеятельности. Как показывают материалы ТО ФСГС по РС(Я), наибольшее миграционное движение в рассматриваемых районах происходит в местах добычи полезных ископаемых: в Алданском, Мирнинском и Нерюнгринском районах. Эти районы привлекательны и для рабочей силы из разных регионов Российской Федерации и стран СНГ, и для нелегальных мигрантов.

Но какова миграционная ситуация в сельскохозяйственных районах проживания коренных малочисленных народов Севера, где нет промышленных предприятий? Сальдо миграции за 2016 г. в девяти сельскохозяйственных районах проживания народов Севера составило 291 чел. [13, с. 93]. Прибывшие мигранты мужского пола составили 47,3 %, выбывшие – 46,1 %. В сравнении с предыдущими годами миграция мужского населения значительно увеличилась [14, с. 56].

Еще в 1966 г. Е.С. Ли указывал на четыре основных фактора, влияющих на принятие решения о миграции и на сам процесс миграции: 1) факторы, связанные с зоной происхождения; 2) факторы, связанные с областью назначения; 3) промежуточный набор препятствий; 4) личные факторы [15, р. 49–50]. Миграция коренного населения из районов его преимущественного проживания связана с отсутствием рабочих мест, сужением естественного ареала для ведения традиционного образа жизни. Коренные малочисленные народы Севера мигрируют преимущественно из села в городские поселения. Здесь можно говорить наряду с вопросом о «бремени мобильности» и о «дефиците режима циркуляции», ограниченного локальной степенью [16, с. 143], другими словами, только городами Республики Саха (Якутия). Основными причинами смены места жительства указаны причины личного, семейного характера (39,2 %) и переезд в связи с работой (23,4 %).

Территориальная мобильность населения зависит от уровня социально-экономического развития региона. Как отмечает Ж.А. Зайончковская, депрессивные регионы должны с относительно большей силой «выталкивать» население по сравнению с развитыми регионами, население которых менее подвижно [17, с. 98]. Но о мигрантах из депрессивных регионов Дж. Урри пишет: «Доступ к мобильностям распределяется неравномерно, но структурирование этого неравенства зависит в том числе от экономики производства и потребления объектов, имеющих отношение к данной мобильности, к природе гражданского общества, географическому распределению людей и их деятельности, и особенно от действующих систем мобильности и форм их взаимозависимости» [18, с. 142].

Низкая территориальная мобильность мужчин коренных малочисленных народов Севера из традиционной среды детерминируется рядом факторов: недостаточной материальной базой и низкими доходами, обусловленными ограниченным рынком труда и экономической спецификой тра-

диционных отраслей хозяйственной деятельности; труднодоступностью и отдаленностью территорий их традиционного проживания, что усложняет транспортное сообщение (дороговизна транспортных тарифов, сезонные ограничения); сложностями этнической самоидентификации и т. п.

Для анализа используются первичные социологические данные, собранные автором в период с 2013 до 2017 г.: материалы полуструктурированных интервью среди сельских мигрантов республики разных социальных групп, разного финансового достатка, семейного положения, переехавших в период реформ по настоящее время в городское поселение с намерением перемены места постоянного жительства, из которых отобраны интервью мигрантов мужского пола из районов традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера (n = 6).

Как показывают интервью среди сельских мигрантов, причиной вынужденного переезда в городские поселения во всех случаях указывается поиск работы. Все, кроме одного, приняли решение о переезде после затяжной безработицы и безденежья, попыток выживать за счет продуктов охоты и рыбалки. И только респондент 22 лет из Нерюнгринского района переехал сразу после школы с целью устроиться на работу: *«Я приехал сразу после школы искать здесь работу. У меня со здоровьем не очень. Да и в школе учился плохо. Учиться совсем не хотел. В деревне нет ни работы, ни возможности подрабатывать. Не будешь же на шее у матери сидеть. Вот и переехал и начал работать».*

Трудоустроились по найму половина респондентов, которым родственники или земляки, проживающие в городских поселениях, помогли с пропиской. Вторая половина имеет случайные заработки (грузчиком по возможности), сезонную работу (во временных строительных бригадах в летнее время, охрана дач в зимнее время) или по договору водителем такси. Независимо от социального положения, возраста, все планируют или получают повышение или расширение профессионального образования. Так, респонденты обучаются или обучались на курсах парикмахеров, слесарей-сантехников, в педагогическом колледже, техническом вузе.

Жилищный вопрос решают по-разному. Те, у кого нерегулярные доходы, живут то у земляков, то у родственников, иногда, скооперировавшись с земляками или родственниками, снимают жилье. Есть респондент, у которого стратегия решения жилищного вопроса связана с попытками строить отношения с женщинами, как правило имеющими жилье. Одному досталась квартира от родителей: получили квартиру как ветераны Великой Отечественной войны. Одна семья получила жилье как пострадавшая во время наводнения.

В данном случае только дополнительные ресурсы, «комплекс репрезентаций их принадлежности “месту” и “сообществу”, способствующих моделированию процессов “расположения” и “перемещения” людей в их социальных пространствах» [19, с. 127] в виде родственников или земляков, которые оказали содействие в жилищном вопросе и трудоустройстве, явились реальным капиталом мигрантов.

Остальные оказались в более сложном положении в условиях риска и возможностей городской жизни, чем ранее в селе. Например, 43-летний респондент, эвен, работающий таксистом по договору, живущий в доме у сожительницы, обдумывает планы о переезде в какое-либо село в центральных районах региона или возвращении на родину. 22-летний респондент, эвенк, который выживал благодаря случайным заработкам, предлагая услуги грузчика, через 3 года вернулся к матери в село в связи с серьезными проблемами со здоровьем. 28-летний мигрант, эвенк, 6 лет работает дворником, не видит никаких положительных перспектив. Он живет с пьющей женщиной намного старше его, оставившей детей в деревне, лишённой материнских прав, и спивается.

Территориальная мобильность мужчин малочисленных народов Севера, их риски и возможности ограничиваются социально-экономическими факторами. Раскодирование потоков, детерриторизация становится непреодолимым рубежом. Или, как пишет Дж. Урри, «физическое или виртуальное перемещение между различными местами может стать источником статуса или власти, выражением права на передвижение, временное или постоянное. Там, где движение заблокировано, может возникать социальная депривация или отчуждение» [20, с. 76–77].

Перемещение между различными местами мужчин коренных малочисленных народов Севера не обеспечивается в достаточной степени необходимыми ресурсами и факторами ни в начале на территориях традиционного проживания, ни в конце движения в городских поселениях для достижения в процессе этого территориальной мобильности. Способы «обитания» в традиционных условиях Севера и Арктики невозможно ввести в систему, которую переселенцу навязывает конструкция социального жилья и общения на новом месте.

Территориальная мобильность в данном случае ограничивается отсутствием необходимых социальных связей, преобразований привычных способов «обитания» и взаимодействия. М. де Серто в своем труде «Изобретение повседневности» приводит в пример, как алжирец, живущий во Франции, вводит присущие его родине способы «обитания» в систему, которую ему навязыв-

вает конструкция социального жилья и общения на новом месте. «Он накладывает одно на другое и за счет этой комбинации создает себе пространство игры, находя в нем способы использования принудительного порядка места или языка. Не покидая пространства, где ему приходится жить и которое диктует ему свои законы, он учреждает внутри него определенную множественность и созидательность» [21, с. 101]. Опыт «обитания» и взаимодействий мужчин коренных малочисленных народов Севера не обладает в данном случае убедительным в этих условиях, достаточно крепким и стабильным содержанием, позволяющим создать «пространство игры». Их опыт не расширяет их идентичности, усложняет процессы социального воспроизводства, в некоторых случаях принимает формы социальной дискриминации. Отдаленные и труднодоступные территории традиционного проживания, традиционные отрасли хозяйствования коренных малочисленных народов Севера являются в данном случае тем самым местом, выражающим неравенство их положения и доступа к системам мобильности.

Ссылки:

1. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 30 апр. 1999 г. № 82-ФЗ // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/> (дата обращения: 08.07.2018).
2. Численность и размещение населения [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2010. Т. 1. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.06.2018).
3. Труд и занятость в Республике Саха (Якутия) : стат. сб. / ТО ФСГС по Республике Саха (Якутия). Якутск, 2016.
4. Там же. С. 212.
5. Сельское хозяйство в Республике Саха (Якутия) : стат. сб. / ТО ФСГС по Республике Саха (Якутия). Якутск, 2016.
6. Труд и занятость в Республике Саха (Якутия). С. 136–137.
7. Константинова Т.Н. Родовые общины Южной Якутии в условиях промышленного освоения // Арктика и Север. 2011. № 4. С. 42–50.
8. Попова А.Г. Демографическая ситуация и вопросы развития родовых общин Республики Саха (Якутия) // Проблемы Крайнего Севера Якутии: состояние и пути решения : сб. науч. тр. Якутск, 2001. С. 44–49.
9. Иванов К.П. Малочисленные народы Севера России: этнодемографические принципы достижения устойчивого развития [Электронный ресурс] // Иванов К.П. Проблемы этнической географии. Гл. IV. СПб., 1998. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/IKP/ipk141.htm#ipk141text8> (дата обращения: 09.06.2018).
10. Дювель Ф. Пространственная мобильность населения: индикаторы, категории и типологии // Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М., 2007. С. 71–95.
11. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева ; вступ. ст. Н.А. Харламова. М., 2012. 576 с.
12. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург, 2007. 672 с.
13. Статистический ежегодник Республика Саха (Якутия) : стат. сб. / ТО ФСГС по Республике Саха (Якутия). Якутск, 2017. 704 с.
14. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / С.М. Баишева, Р.И. Донской, Т.Н. Константинова, П.В. Сосин, П.З. Тобуков, А.Г. Томаска. Новосибирск, 2012. 363 с.
15. Lee E.S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3, no. 1. P. 47–57.
16. Урри Дж. Указ. соч. С. 143.
17. Зайончковская Ж.А. Миграция и урбанизация, которые изменили Россию [Электронный ресурс] // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России : тез. докл. М., 2002. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_03.html (дата обращения: 09.06.2018).
18. Урри Дж. Указ. соч. С. 142.
19. Соловьева А.Н. Детерриторизация социальных практик в контексте этнокультурных ландшафтов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5. С. 126–130.
20. Урри Дж. Указ. соч. С. 76–77.
21. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб., 2013. 332 с. (Серия «Прагматический поворот»; вып. 5).